

АНДРЕА
ПИРЛО

Думаю – следовательно, играю!

Москва
2018

УДК 796.332:929 Пирло А.
ББК 75.578
ПЗЗ

Andrea Pirlo, Alessandro Alciato
PENSO QUINDI GIOCO

Пирло, Андреа.

ПЗЗ Думаю — следовательно, играю! / Андреа Пирло, Алес-
сандрo Альчато ; [пер. с ит. Ю. В. Шуйской]. — Москва : Экс-
мо, 2018. — 176 с. — (Иконы спорта).

ISBN 978-5-699-93953-4

«Профессор», «архитектор», «маэстро» — всё это прозвища полу-
защитника сборной Италии и человека, который всегда будет ассоци-
ироваться с такими знаменитыми клубами, как «Милан» и «Ювентус»,
Андреа Пирло.

Один из лучших игроков в мировом футболе. Мастер исполнения
навесов в штрафную, дальних ударов и длинных пасов. Андреа отлича-
ется тонким видением поля и точностью передач. Именно ему принад-
лежит рекорд Серии А по числу голов, забитых со штрафных, — 28. Он
чемпион мира. На его счету 2 Кубка Италии, 2 Суперкубка УЕФА, 2 кубка
Лиги чемпионов.

В этой книге Андреа, как всегда просто и прямо, рассказал историю
своей жизни и игры.

УДК 796.332:929 Пирло А.
ББК 75.578

© 2013 Arnoldo Mondadori Editore S.p.A., Milano
© 2015 Mondadori Libri S.p.A., Milano
© Шуйская Ю., перевод на русский язык, 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-699-93953-4

*Моей семье,
моей жене, моим детям.
Простое посвящение
непростым людям*

АНДРЕА

*Никколо,
за то, что каждый день стал
Рождеством*

АЛЕССАНДРО

Предисловие

АНДРЕА ПИРЛО принадлежит к редкому виду: это футболист, которого любят все. Любой стадион — это его стадион, болельщики видят в нем чемпионка всех клубов, способного сделать их фанатами не только своей команды. Они видят в нем Италию. Я не удивлюсь, если узнаю, что даже его пижама окрашена в цвета национальной сборной, которую он любит неизмеримой, безграничной любовью.

Прежде чем говорить о сегодняшнем (завтрашнем, всегдашнем) Андреа, необходимо сделать шаг назад — в те времена, когда я тренировал юношеский состав «Аталанты» в Бергамо. У меня была ученическая команда, и мы много говорили о более сильных соперниках, с которыми нам предстояло столкнуться в этом сезоне, или о самых талантливых ребятах, у которых были перспективы на будущее. Мы думали об

«Интер», о «Милане», но прежде всего — о «Брешии», которая была рядом с нами.

Однажды перед тренировкой в раздевалку вбежал мой запыхавшийся коллега: «Чезаре, я видел такого талантливую парня, с ума сойти! К сожалению, он играет в юношеском составе «Брешии»...» Меня не так поразили его слова, как его потрясенное лицо, а ведь он наблюдал в своей жизни сотни матчей! Сложилось так, что на следующей неделе «Аталанта» играла именно с «Брешией» — той самой командой, где на поле выходил тощий парнишка, на два-три года моложе всех остальных. Это был Пирло.

Я потерял дар речи. Со мной такого раньше никогда не случалось. Мне казалось, что все, кто находился на трибунах, смотрели только на него и думали только об одном: «Вот новый Игрок». Никто не воспринимал его как ребенка.

В нем самая суть футбола, это самый техничный игрок, никогда не сделавший ни одной серьезной ошибки, он чувствует сущность мяча. Именно поэтому его считают глобальным игроком, и каждое его прикосновение к мячу приносит радость: он слишком нормален и слишком прекрасен. Нам повезло в тот день в Бергамо — мы увидели талант. На поле его отличает обезоруживающая естественность, о которой другим остается только мечтать, и в конце матчей с участием Италии у раздевалки стоит целая очередь из игроков команды соперника, которые хотят поменяться с ним футболками. Им тоже нравится его манера.

Самое удивительное то, что Андреа — молчаливый лидер, каких в мире футбола немного. Прежде чем начать тренерскую карьеру, в своей жизни игрока я знал потрясающего человека, Гаэтано Ширеа, и Пирло невероятно напоминает мне его своим образом жизни; перед этими молчаливыми лидерами — в тех редких случаях, когда они решают сказать что-то в раздевалке, — умолкают все. Я пару раз сам был свидетелем таких сцен, когда играл в одной команде с Гаэтано, когда был техническим директором национальной сборной с Андреа, — никогда не смогу этого забыть. В первом случае я подчинялся, во втором — любовался. Я вынес из этого четкий урок: тот, кому удастся не повышать тона, добивается большего, включая безусловное уважение тех, кто рядом с ним.

В этой книге Андреа недвусмысленно говорит: «После чемпионата мира в 2014-м в Бразилии я перестану играть за Италию, но до того момента никто — разве что только Чезаре Пранделли по техническим причинам — не имеет права заставить меня бросить футбол». Я конечно, не возьму на себя такую ответственность, самое трудное для тренера — сказать таланту «хватит», такой выбор должен быть согласован с самим игроком, однако сейчас мы говорим ни о чем. Я не знаю ни одной причины выводить Андреа из национальной сборной с самого начала его карьеры и до 2014-го. Думаю, что он и Джиджи Буффон воплощают собой настоящий дух Италии, и если бы все так же уважали национальную сборную, как они, мы жили бы в гораздо лучшем мире.

После стольких столкновений их мотивация осталась неизменной — с первого дня.

Андреа родился, чтобы мы мечтали. В сущности, он не изменился с того дня, когда я увидел его в майке «Брешии», которая была больше, чем он сам. Был момент, когда он мог попасть в юношеский состав «Аталанты», но это было бы большой бестактностью по отношению к «Брешии». В Бергамо было собрание по этому поводу, и президент Перкасси, блестящий руководитель, понял, что здесь потребуется вся его дипломатичность. Я никогда не забуду его слова: «Пирло останется там, где он есть, потому что ему нельзя создавать трудностей, он должен играть счастливо, в удовольствие, на него нельзя давить. Он просто должен остаться игроком для всех».

Перкасси все понял. Перкасси понял Пирло.

Чезаре Пранделли

1

Прощай, Милан!

*«Я не сдерживался. Я плакал,
и мне не было стыдно»*

РУЧКА. Красивая, конечно, но всего лишь ручка. От Картье, сверкающая, тяжелее, чем «Бик», с гербом «Милана». Всего лишь ручка. С синими, банально синими чернилами. Я смотрел на нее, я крутил ее в руках, я играл с ней, как младенец со своей первой погремушкой. Я смотрел на нее под разными углами, пытался понять ее скрытый смысл, познать ее глубинную сущность. Понять. От мыслей у меня разболелась голова, я даже вспотел, но, наконец, пришло просветление. Тайна разрешилась: скрытого смысла не было. Он не был предусмотрен создателем. Специально? Кто знает...

— Я надеюсь, ты не станешь подписывать этой ручкой новый контракт с «Ювентусом».

Конечно, Адриано Галлиани не мог промолчать. Я ждал от этого шутника какого-нибудь другого прощального подарка. Вот и кончились десять лет с «Миланом». Я улыбнулся. К счастью, у меня хватило даже сил рассмеяться.

— Спасибо за все, Андреа.

Когда он произнес это из-за своего стола, я взглянул на него.

Я наизусть знал его офис, пещеру за домами на улице Турати, я пережил здесь счастливые моменты — другие контракты, другие ручки, фото на стенах — легкие, веселые фотографии, если не задумываться о тех, кто на них изображен, — я никогда не обращал на них внимания, разве что рассеянно поглядывал. Там были запечатлены те неповторимые дни, когда кубок взметался в небо и над ним висели облака. Эти фото притягивали меня, но не так сильно. Скука в «Милане» — неоправданный риск для меня. И я знал, что поступаю правильно, хотя и чувствовал себя разочарованным. И Галлиани тоже. И мой агент Туллио Тинти. Мы расстались без сожаления. Через полчаса меня уже здесь не будет. Любви нужно время, настоящее чувство не может исчезнуть в одну секунду.

— Андреа, наш тренер Аллегри думает, что, если ты останешься, ты не можешь больше играть в опорной зоне. Он хочет дать тебе новую позицию: левого полузащитника.

Я ХОТЕЛ, ЧТОБЫ МЕНЯ
ПРАВИЛЬНО ОЦЕНИВАЛИ:

Я НЕ ПРОСТО ИГРОК
В СПИСКЕ РОТАЦИИ.

Я МОГУ БЫТЬ
ЦЕНТРОМ КОМАНДЫ.

Маленькая деталь: я считал, что, играя в опорной зоне, перед защитой могу реализовать себя гораздо лучше. На глубине рыба плавает легко, а если ее заставить плыть под самой поверхностью, она приспособится, но не поплывет так же.

— Даже когда ты был на скамейке запасных или на трибуне, мы выигрывали кубок. Андреа, с этого года политика команды изменилась. С теми, кому больше тридцати лет, мы можем заключить контракт только на год.

И еще одна маленькая деталь: я не чувствовал себя старым, даже в этот трудный для меня день. У меня было ощущение, что меня хотят вывести из себя, выбить из колеи, заставить растеряться.

— Спасибо, но я правда не могу принять это предложение. И потом, «Ювентус» обещал мне контракт на три года.

Я отказался. В этот весенний день 2011 года не было разговора о деньгах. Вообще. В эти полчаса, что я провел с Галлиани, не было сказано ни слова о финансах. Я хотел, чтобы меня правильно оценивали: я не просто игрок в списке ротации. Я могу быть центром команды.

Итак, цикл закончился, и мне было нужно нечто новое. Тревожный звонок прозвенел в тот момент, когда я приехал в «Милан» тренироваться — в середине сезона (последнего в этой команде), ознаменованного двумя поражениями, — и понял, что не хочу спускаться в раздевалку. Переодеваться. Работать. У меня со всеми были прекрасные отношения, в том числе

с Аллегри, проблема была в атмосфере. Передо мной были те же стены, которые годами давали мне силы и защищали меня, но я чувствовал в них болезненное дыхание. Я испытывал сильнейшее желание оказаться в другом месте, перевести дух, и оно давило на меня все сильнее и сильнее. Поэзия, окружавшая меня, превратилась в рутину, и это новое ощущение нельзя было игнорировать. И болельщики, которые столько лет рукоплескали мне на «Сан-Сиро», в это воскресенье (и в субботу, и во вторник, и в среду), кажется, захотели передохнуть. Увидеть другие лица в альбоме Панини, услышать другие истории. Они привыкли к тому, что я делаю, к моим находкам, их ничего больше не удивляло, для них это стало нормальным. Мне было трудно принять эту мысль: «Ты больше не можешь быть Пирло». Это было несправедливо. От этого у меня даже заболел живот — я утратил свой стимул.

Первый, кому я об этом сказал, был Алессандро Неста, мой друг и брат, товарищ по команде и за обедом, сосед по комнате и участник тысячи совместных приключений. Между первым и вторым таймом в одном из наших бесконечных сражений на PlayStation я сказал ему:

— Сандрино, я ухожу.

Он даже не удивился:

— Мне очень жаль, но это правильный выбор.

Он первым узнал о моем решении, после моей семьи. Каждый день он был рядом, шаг за шагом, слеза за слезой. Иногда мне бывало особенно трудно, внутри

меня все время шел обратный отсчет — не так легко бросить то место, о котором ты знаешь все, все его секреты. Маленький мир, давший мне больше, чем я ему, без сомнения, вызывавший во мне сильные эмоции.

Я чувствовал то дискомфорт, то грусть, и это чувство в любом случае было мне уроком: от слез становится легче, они являются очевидным объяснением того, кем ты являешься. Я не сдерживался. Я плакал, и мне не было стыдно. Как будто бы я сидел в аэропорту, у меня в руках был билет, и оставалась секунда до момента, когда я попрощаюсь с друзьями, родственниками и врагами. И через мгновение мы расстанемся навсегда.

Я ежедневно звонил своему агенту, особенно в те дни, когда мне нужно было пережить горечь поражения, но ему это было не очень-то интересно. По крайней мере, меньше, чем обычно. Амброзини, а позже Ван Боммель, играли в зоне перед защитой, на моем месте были другие люди (хотя это и были мои друзья), а меня вырвали из собственного сада, как сорную траву.

— Туллио, какие новости?

Новости всегда были только хорошие и отличные. Почему-то мое расстройство повышало мою ценность для контрактов. Я был словно крестик на карте сокровищ.

Вылезли все, даже «Интер». Словно в Милане произошло землетрясение. А что если бы сейсмограф был сломан? Они позвонили Тинти и задали ему простой вопрос:

— Андреа вернулся бы к нам?

Мне передали его слово в слово:

— Андреа, ты вернулся бы к ним?

Нельзя ничего сразу отвергать. И у меня был заготовлен хороший ответ для всех.

— Слушай, что они хотят.

Они хотели меня. Но они были медленными (замечательными, но такими медленными) — в смысле, что перед началом серьезных переговоров им надо было понять, как закончится чемпионат, кто будет тренером в следующем сезоне, каковы будут планы и цели команды... Лично со мной разговаривали всего один раз. Я хорошо это помню, это было утро понедельника, сезон только что закончился.

— Привет, Андреа, это Лео.

На том конце был Леонардо — тренер «Интера» на тот момент.

— Привет, Лео.

— Слушай, все, наконец-то, в порядке. Президент Моратти дал мне все полномочия. Мы можем начать переговоры.

Он сулил мне в «Интерере» замечательные вещи — словно имел на это право. Это мог бы быть замечательный вызов: вернуться туда, где я уже был. Еще раз войти в ту же самую реку после десяти лет в «Милане», девять из которых были сверхурочными. И Леонардо мог бы мне помочь, если бы через пару недель не перешел в парижский «Сен-Жермен» — команду шейхов.